

Восемь лет назад, по командировке Оренбургского радио оказавшись в Москве, я напросился в гости к всемирно известному советскому писателю-фантасту Ивану Антоновичу Ефремову.

О многом поговорили мы в тот сентябрьский день 1969 года: о его книгах, о путешествиях по Уралу, Центральной и Средней Азии, Северу, Сибири, Дальнему Востоку, Китаю, Монголии. И приятно было, что среди всех дальних и ближних краев, куда забрасывала его судьба, особое место занимают в его памяти старые рудники в восьмидесяти километрах к северо-западу от Оренбурга - Каргалинские медистые песчаники, поселок Горный, где с доисторических времен пробивался человек в недра земли.

Именно в те годы понял Иван Антонович, что мысли, образы увиденного, услышанного, перечувствованного переполняют его, что он может и должен писать.

Я попросил его прочесть для записи на магнитофон небольшие отрывки из "оренбургского" рассказа. Иван Антонович улыбнулся ("Я же з-заика страшный, з-замучаетесь со мной!"), подошел к стеллажам, длинными, сильными пальцами пробежал по корешкам книг, достал одну, нашел "Путиами старых горняков".

Сначала он и вправду сильно заикался, но чем дальше читал, тем глаже и выразительнее становилась речь. Читал он безо всякой аффектации, очень просто, неторопливо. Он читал - и словно оживала его молодость.

"...В 1926 году я изучал старые медные рудники недалеко от Оренбурга. Здесь на протяжении едва ли не тысячелетий велась разработка медных руд, и рудники образовали на обширном пространстве запутанный лабиринт пустот, пробитых человеческими руками в глубине земли.

Рудники эти давно закрылись, и ничего не осталось от их надземных построек, на склонах и вершинах низких холмов выделяются красивыми голубовато-зелеными пятнами группы отвалов - больших куч бракованной руды, окаймляющих широкие воронки, а кое-где видны провалы старых засыпанных шахт.

Здесь хорошо отдыхается после однообразного пути по пыльной к знойной дороге. Ветер колышет ковыль и, посвистывая в кустах, наводит на мысль о прошлом, о том, что эти, теперь такие безлюдные и заброшенные, участки когда-то были самыми оживленными в степи. Раздевались крики мальчишек-погонщиков конного подъема, хлопали крышки шахтных люков, скрипели воротки, грохотали тачки и слышалась болтовня женщин на ручной разборке руды..."

Какая-то магия: Иван Антонович читает неспешно, просто, и все окружающее растворяется. Явственно проступает когда-то с детской яркостью представленное - темные сырые подземные лабиринты, где плутай попавшие в беду молодой геолог и старый штейгер Поленов...

Потом уже, вернувшись домой, я перечитал рассказ и с удивлением обнаружил, что всего-то в нем около тридцати страничек. Мал золотник да дорог!

Дорог ефремовский дар еще и тем, что за каждым словом у него - мысль, колоссальные знания.

Вот и о тех Каргалинских медистых песчаниках, где он начинал Ефремов почти сорок лет спустя помнил очень многое: расположена входов и выходов, главные направления подземных выработок, историю этих работ с древнейших времен, люден, с которыми работал.

О Корнилыче Поленове (в жизни - Хренове) из рассказа "Путиами старых горняков" вспоминал:

- Корнилычу было тогда лет восемьдесят пять. И бодрый старик был, дрова рубил, по хозяйству работал. Выходил со мной на сырт, показывал старые шахты, следов которых уже и не осталось. Он помнил их местонахождение, глубины помнил. И я от него очень много записал. Мудрый был старик, настоящий горняк. Он к жизни вдумчиво подходил, не мелочился, видел самую глубинную суть...

Или вот еще пример ефремовского подхода к делу, его знаний. После возвращения из Москвы было, конечно, устроено семейное чтение, и мой сын засомневался: не выдуман ли зверь гишу, который в повести "На краю Ойкумены" настигает беглецов ночью в саванне, стуча страшными когтями по твердой земле?

Послали Ефремову письмо.

"Гишу - это вымерший теперь вид гигантской гиены, изображения которой еще встречались на фресках в Египте эпохи Древнего Царства - примерно 4500 лет назад, - ответил Ефремов. - Как выясняется теперь, гиены - вовсе не трусливые хищники, как их обычно изображали раньше. Это грозные и активные звери, перед которыми отступают даже львы. А уж перед гишу должны были трястись слоны!"

Поражала в Ефремове напряженность духовной жизни, позволявшая ему подняться над болезнью, и увлеченно, с удовольствием рассказывать и о проблемах межзвездных сообщений, и о смешных приключениях в оренбургских степях.

- У вас все еще говорят: "ничё"? Я это оренбургское "ничё" на всю жизнь запомнил. Едем как-то с возницей, лихим казачиной. Очень крутой спуск, мостик через ручей, за мостиком село.

Я говорю: "Держи, дядя! Лошадь понесет, телега раскатит - и дров, и костей наломаем!"

Посмотрел, подумал: "А, ничё!"

А какое "ничё" - лошадь помчалась, телега прыгает, прет на нее. Чудом удержались, одним духом пролетели мостик, вышибли ворота. И встали. А хозяин уже бежит из дома с топором. Ну, конец! Подбежал, сверкнул глазами. А увидел, как нас на полуразвалившейся телеге смешно разметало, - засмеялся, бросил топор: "А, ничё!"

Но это так, шуточки. А вообще оренбургские годы мне очень многое дали, с них многое началось. Оренбург у меня вот здесь, в сердце.

Вот какая у меня есть идея. Если б собрать бывалых людей с хорошей памятью, с такой географической памятью, какая бывает у геологов, у моряков, у топографов, и составить сравнительную серию рассказов?

Я бы рассказал вам о тогдашнем Оренбуржье, а вы о теперешнем. И вот, когда вы видите такое наглядное изменение в стране, тогда лучше начинаете понимать путь, пройденный страной. А то ведь мы как-то берем ее только в данный момент, не в каком-то движении. Обязательно надо бы вам, журналистам, подумать - и выступить с таким предложением - "История в действии"!

Через какое-то время после встречи с Ефремовым дорога привела меня в Горный, в тот самый поселок, в котором он жил и работал. Результатом этой, поездки был очерк в областной газете. Говорилось в нем о делах большого колхоза "Рассвет", о геологах, которые ищут здесь нефть. Рассказывалось, что цела белая хатка, обсаженная кленами. А на ней мемориальная доска: "В этом доме жил писатель И. А. Ефремов".

Установили эту доску лет десять назад почитатели таланта Ивана Антоновича. Хозяйка - Анна Егоровна Камнева - хорошо помнит молодого геолога Ефремова и рассказывает, что часто сюда, в удаленный от дорог поселок, заезжают школьники, студенты, туристы. А у геологов это уже давняя традиция - приехать сюда, зайти в дом, где все, как при Ефремове, - из маленьких окошек виден склон горы, изрытый старыми рудокопами, у дальней стены стол, на котором он перебирал свои находки, колодец в присенцах, низкий, прогнувшийся от старости дощатый потолок.

Жаль, не осталось в Горном коренных потомков "рудашей" - Хреновых, Головых, Шавриных, что нет уже напротив ефремовского дома той хаты, описанной в рассказе, в которой жил старик штейгер Хренов. Переезжают люди в большое село Комиссарово, где центральная усадьба колхоза "Рассвет".

А потом я ходил по холмам у поселка, - там тысячи заплывших воронок, входов в шахты. Отвалы в воронки поросли папоротником, ковылем да дикой вишней. С открытием богатых медных месторождений старые рудники потеряли значение. Тихо бродят по горам тени облаков, и шелестят в воронках мелкой плотной листвой карликовые вишенки.

Путиами старых горняков

Автор: Administrator

16.08.2010 08:41 - Обновлено 10.08.2011 07:56

В отвалах набрал я камешков - и густо-синих, и нежно-зеленых, и изумрудных, и красных, и черных. Нашел несколько кусков окаменевшего дерева. Все это было поднято в те времена, когда кипела здесь жизнь, из-под земли, из находящегося и сейчас где-то под ногами лабиринта штреков, штолен, квершлагов и орт...

Газетный тот очерк, цветные слайды с видами Горного, несколько камешков и кусочков дерева ("может, Вы именно их и выкинули более сорока лет назад, а я вот подобрал") посланы были Ивану Антоновичу.

Ответ пришел из подмосковной больницы, где лежал Ефремов. Он тепло благодарил за подарки, напомнившие ему о молодости, писал, что романом "Таис Афинская" прощается пока с беллетристикой и намеревается взяться за научно-популярную книгу о палеонтологии.

А через некоторое время - траурная рамка в "Литературной газете".

И первая мысль: нет, такой человек не мог умереть! Смерть - не для него, могучего, веселого путешественника и мыслителя.

...Живет его голос в картонной коробке с магнитофонной лентой. Живут замечательные книги этого человека, который когда-то прошел у нас в Оренбуржье путиами старых горняков.

В. Савельзон, 1977

Уральский следопыт.- 1977.- № 4.- С. 54-55.

Пер. в эл. вид Ю. Зубакин, 2001

Источники:

- http://fandom.rusf.ru/about_fan/savelzon_1.htm